

Александр К. Киклевич

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ,
СЕМАНТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ И АМБИСЕМИЯ
(на материале русского языка)**

Язык предстает перед нами в бесконечном множестве своих элементов – слов, правил, всевозможных аналогий и всякого рода исключений, и мы впадаем в немалое замешательство в связи с тем, что все это многообразие явлений, которое, как его ни классифицируй, все же предстает перед нами обескураживающим хаосом, мы должны возвести к единству человеческого духа.

(Вильгельм фон Гумбольдт)

Нужно согласиться с А. Е. Кибриком, который пишет, что инвариант значения языковой единицы нельзя представить в виде перечисления наблюдаемых семантических вариантов – необходимо описать тот алгоритм, который лежит в основе конфигурации инвариантного и частного значений (1997, 56). Для этого Кибрик предлагает реконструировать «сочетательный механизм».

Задача эта решаема только с учетом двух факторов реализации значений: синтаксического и когнитивного (который Ф. А. Литвин квалифицирует как «тематический», см. 2005, 107). Таким образом, в основе исследования семантического инварианта должен лежать открытый, функциональный подход, основанный не только на взаимодействии лексического и грамматического уровней языка, которое Ю.Д. Апресян рассматривает как важнейший элемент интегративного описания языка (1986, 57), но и на взаимодействии языковой и неязыковой семантики («внутренней» vs. «внешней», см. Павилёнис 1986, 380; «эмической» vs. «дискурсивной», см. Сидоров 1983, 15). С этой точки зрения заслуживает внимания позиция А. Л. Новикова, который в соответствии с традицией, заложенной Л. С. Выготским, различал значение слова – в системе языка, и смысл слова – в тексте (в дискурсе):

Смысл слова [...] основывается на модификации, контекстуальном расширении исходной внутренней формы, ее актуальной конкретизации. Контекстуальная внутренняя форма определяется не только спецификой данного языкового контекста, но и системой внеязыковых знаний, актуальной когнитивной ориентацией речемыслительной деятельности человека [...] Знак и его смысл благодаря такой подвижной внутренней форме, занимающей промежуточное положение между языком и действительностью [...] получают в тексте специфическую, обычно «смещенную» по сравнению с узусом референцию. Такую контекстуальную внутреннюю форму в отличие от обычной можно было бы назвать лингвоэпистемой (2002, 84).

Новиков противопоставлял лингвистическую семантику, основанную на семантических оппозициях в рамках системы языка, и гносеологическую семантику, которая опирается на более широкие, функционально релевантные знания о мире.

В основе лингвистической концепции, которая предлагается в данной работе, лежит положение, согласно которому содержание слова (и шире – языкового знака) амбивалентно – с одной стороны, по отношению к дескриптивной семантике, или эндосемантике, которая имеет системно-языковой характер и, преимущественно, основана на дифференциальных семантических признаках; с другой стороны, по отношению к когнитивной семантике, или экзосемантике, которая основана на интегральных семантических признаках, вытекающих из функционирования референта знака или соответствующего концепта в тех или иных культурных и ситуативных контекстах.

Так, прилагательное *виртуальный* в русском языке многозначно (см. Kiklewicz 2006, 17):

ВИРТУАЛЬНЫЙ

1. Возможный, способный возникнуть при наличии известных условий, *виртуальное перемещение, виртуальная температура, виртуальные частицы*; 2. Условный, кажущийся, недействительный, имитированный, *виртуальная квартира*; 3. Реализуемый или существующий с помощью средств массовой коммуникации, в первую очередь – электронных, прежде всего – компьютера и интернета, *виртуальный музей, виртуальный блокнот, виртуальная клавиатура, виртуальные покупки, виртуальный секс*

В рамках третьего значения можно выделить несколько частных интерпретаций, каждая из которых опирается на когнитивную семантику опорного существительного, ср.:

виртуальный музей = ‘сервис, позволяющий рассматривать картины или другие экспонаты с помощью компьютера/интернета’, ср. фасету [осматривать] в содержании слова *музей*

виртуальный блокнот = 'компьютерный сервис, позволяющий делать заметки, записывать тексты и т.д.', ср. фасету [записывать] в содержании слова *блокнот*

виртуальная клавиатура = 'компьютерный сервис, позволяющий видеть на экране общий вид клавиатуры, расположение и значение клавиш', ср. фасету [порядок клавиш] в содержании слова *клавиатура*

виртуальные покупки = 'покупки, которые осуществляются посредством коммуникации между клиентом и продавцом, реализуемой с помощью интернета', ср. фасету [реализовать] в содержании слова *покупки*

Все эти и другие «медialные» семантические интерпретации прилагательного *виртуальный* можно обобщить в виде инварианта:

виртуальный *x* = 'x имеет такое отношение к компьютеру, интернету или другому средству массовой коммуникации, которое наиболее естественным образом вытекает из содержания *x*-а, т.е. является общей (общеизвестной) или ситуативной (оказиональной) нормой отношений между *x*-ом и компьютером, интернетом или другим средством массовой коммуникации'

Таким образом, семантическая интерпретация композиционных (т.е. производных) знаков – предложений, словосочетаний, производных слов, не сводится только к декодированию их языковой формы и языковой структуры – речевой субъект, как правило, учитывает особенности речевого и ситуативного контекста, используя для этого общую, закодированную в знаке когнитивную информацию. Данное свойство знаков будем обозначать термином *амбисемия*.

Данный термин впервые был введен в 80-е годы минувшего столетия русским языковедом В. А. Татариновым, который понимает его как свойство языковых знаков (а именно – специальных, терминологических слов) «функционировать в языке с разным объемом семантики», «относиться к неопределенному количеству денотатов». Это свойство, согласно Татарину, «вызывается рядом экстралингвистических факторов», таких как «использование одного термина разными научными школами, разными учеными в разные периоды развития науки». «Амбисемия – это разнообъемная характеристика интенционала термина-понятия, его семантическая аспектация, различающаяся квантитативно и квалитативно» (Татарин 2006, 14 сл.; 1996, 168 сл.; 1988, 12 сл.).

С нашей точки зрения, семантическое варьирование знака под влиянием социо-культурного контекста охватывается такими широко известными лингвистическими понятиями, как «оттенок значения», «коннотация» или «семантическая диффузия». В. В. Мартынов в связи с этим пишет о

«неопределеннозначности» языковых выражений. Поэтому в предлагаемой здесь концепции амбисемия понимается иначе, а именно – как амбивалентность, семантическая двуплановость знака, который содержит информацию, закодированную в языке, и информацию, которая обусловлена принадлежностью речевого субъекта к определенному культурному сообществу.

Инвариантное лексическое значение, как это можно наблюдать на примере прилагательного *виртуальный*, состоит из двух компонентов. Эндосемантический (сигнификативный, идеационный) компонент заключается в представлении общей, базовой информации об объектах, действиях, состояниях, процессах и свойствах.

Экзосемантический компонент имеет, во-первых, когнитивный, а во-вторых – реляционный характер, ведь инвариант представляет собой обобщение отдельных контекстуальных оттенков значения, т.е. возникающих в синтаксических конструкциях (типа *V N, Adj N, N N* и т.д.), а значит, в его содержании отражается отношение по крайней мере двух семантических категорий.

Так, в рассмотренном выше примере с прилагательным *виртуальный* мы имели дело с взаимодействием семантики определения и определяемого существительного. При определении инварианта глагола *сорвать* должны учитываться отношения между содержанием обозначаемого им действия и содержанием его коллокаций, прежде всего – объекта действия.

Общим образом эндосемантический компонент знака можно определить так:

Эндосемантика знака:

$x R y = 'X \text{ обладает свойством } p \text{ (свойствами } p, r, s \text{ и т.д.)}, \text{ которое (которые) некоторым образом проявляется (проявляются) по отношению к } y'$

Элемент «некоторым образом» в приведенной семантической экспликации указывает, что сигнификативное значение композиционных знаков всегда является частично недетерминированным, «непрозрачным». Это свойство языковой номинации Р. Дирвен назвал «*minimal-specification view*» (2001). А намного раньше О. Есперсен писал о том, что некопозициональность (или полукпозициональность) языковых выражений является нормой:

Только нудные люди стремятся выразить все, но даже и они не могут этого сделать. Не только писатель знает, что нужно оставить в чернильнице, в чем, как правильно замечают, и заключается его искус-

тво, но и мы в самых обыденных репликах оставляем невыраженным много из того, что произвело бы впечатление педантизма (1958, 360).

Роль «внешнего» по отношению к языку фактора коммуникативного поведения особенно подчеркивают представители социо- и антропоцентрического направления в языкознании (ср. краткий обзор: Радченко 2004). В России выдающимся представителем данного направления был М.М. Бахтин, а также его последователь В.Н. Волошинов, который в классической книге «Марксизм и философия языка» писал, что как для говорящего, так и слушающего важна не «тождественность формы», а то новое и конкретное содержание «которое она получает в данном контексте» (1929, 6). Применительно к описанию синтаксиса «экологический» подход в языкознании наиболее последовательно реализовал В.А. Звегинцев, особенно в книге *Предложение и его отношение к языку и речи* (1976).

В кругу западноевропейского языкознания можно выделить теорию норвежского психолингвиста Р. Ромметвейта, который основывается на идее конфигурации знаковой системы и среды:

[...] Синтаксические, семантические и прагматические правила естественного языка переплетены очень тонким образом, и мы лишь тогда сможем полностью понять свойства языка, когда обратим внимание на исследование высказывания в его экстралингвистическом коммуникативном окружении (1972, 54).

М. Лахтенмяки (1999) подчеркивает, что в работах представителей данного направления в лингвистике значение языковых единиц определяется как их потенциальная роль в высказывании. Финский языковед пишет:

Из того факта, что языковое выражение рассматривается как смысловой потенциал т.е. как множество возможных значений, однако не вытекает, что адресат может придать определенному языковому выражению любую интерпретацию. Интерпретация всегда [...] управляется разными социальными и культурными конвенциями.

Именно благодаря «вмешательству» экстралингвистических факторов коммуникативной деятельности, как пишет С. А. Жилин (1983, 22),

неоднозначно понимаемые (классифицируемые) компоненты, соединяясь в единицы более высокого уровня, теряют свою неоднозначность и приобретают вполне определенное конкретное значение.

Ср. высказывания, которые вне речевого и/или ситуативного контекста по крайней мере неоднозначны, а иногда и вообще противоречат «здравому смыслу»:

Отчего у няни

Волоса в сметане? (Саша Черный)

Посмотрел под рукавицу

И увидел кобылицу (Н. Ершов)

Моя мама больше любит брата, чем меня («Аргументы и факты». 2002/39)

Мы вчера ходили в кино (разговорная речь)

Чайник кипит (разговорная речь)

Иван у меня на телефоне (разговорная речь)

Пробейте шнур! (разговорная речь; реплика у кассы в хозяйственном магазине)

Все приведенные выше предложения можно характеризовать как небуквальные, ведь их понимание опирается на более широкий контекст. Так, в первом предложении возможны две интерпретации: ‘волосы няни испачканы сметаной’ (такой смысл в стихотворении Черного) и ‘в сметане находятся волосы’. Во втором предложении реципиента может удивить то, что лошадь уместилась под рукавицей, хотя в действительности синтаксема *под рукавицу* означает ‘прикрывая от яркого солнечного света глаза рукавицей’. В третьем предложении не уточняется, кого больше любит мама – моего брата или своего. Четвертое предложение, казалось бы, не содержит никаких лакун, но ведь мы не просто вошли в здание кинотеатра и вышли из него – мы купили билеты и посмотрели кинофильм, хоть этой информации предложение не передает. Далее – мы понимаем, что кипит не чайник, а вода в чайнике; что Иван не находится буквально на поверхности телефона, а является моим коммуникативным партнером, с которым я разговариваю по телефону; что кассирша, которую мы просим *пробить шнур*, вообще ничего не пробивает – она лишь выдает нам отпечатанный кассовым аппаратом чек, подтверждающим покупку шнура. У Иосифа Бродского есть строки:

Полдень; жевательный аппарат

пробует завести,

кашлянув, плоский пи-эр-квадрат –

музыку на кости

Выделенное выражение довольно загадочно по смыслу, поэтому разные читатели и понимают его по-разному. Так, Н. Б. Мечковская (2001, 98) пишет, что «*музыка* – это метонимическое значение слова *пластинка*; *на кости*, т.е. ‘в черепе’, – также метонимия». Но действительный смысл

музыки на кости, скорее всего, иной – об этом мы читаем в статье А. Ансельма в журнале “Нева” (1989, 12):

Во время студенческой вечеринки один из членов подпольной группировки снял с патефона пластинку, ранее поставленную разоблачителем, с хором Пятницкого, и поставил джазовую музыку, записанную на костях. Для вас, не знающих быта 50-х годов, поясню: «на костях» – значит на использованной рентгеновской пленке, которая употреблялась для записи всякой неофициальной музыки.

Другой пример – существительное *окно*, которое входит в список 300 наиболее частотных слов русского языка (по данным «Частотного словаря» под ред. Л. Н. Засориной) – ничего удивительного, что оно является многозначным, ведь, по образному определению В. В. Морковкина, многозначность – это своего рода медаль, которой награждается слово за речевые заслуги. Совершенно очевидно, что в предложениях

Иван постучал в окно
Иван выпрыгнул в окно
На окне стоит сирень

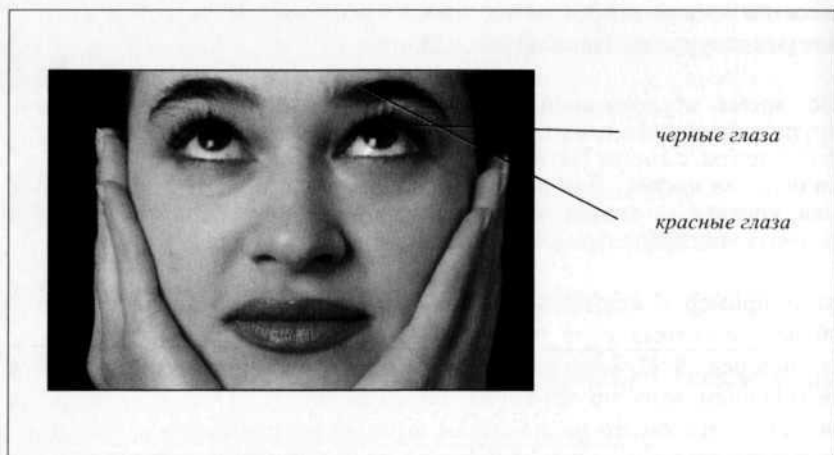
мы имеем дело с тремя разными значениями данного слова, хотя формально это различие никак не маркировано, на него указывает только различие синтагматических контекстов, а также фоновые энциклопедические знания носителей языка. Ср. характерный с этой точки зрения текст анекдота:

Директор вызвал Вовочку, дал ведро краски и говорит:
– Ты должен будешь покрасить все окна на третьем этаже.
Вовочка ушел и возвращается через час:
– Иван Петрович, а рамы красить?

Очередной пример: когда мы произносим выражения:

черные глаза
красные глаза

их языковая форма и структура не передает нюансов семантического варьирования существительного, а оно употребляется принципиально по-разному: в первом выражении имеются в виду зрачки, а во втором – белки (см. рисунок).

Эту (как выражается В. В. Мартынов) неопределеннозначность языковых знаков компенсирует другой компонент их значения – экзосемантический. Он состоит в том, что говорящий, руководствуясь коммуникативным принципом кооперации, предполагает, что слушающему известно стандартное, конвенциональное (культурное или субкультурное) отношение между референтами синтагматических партнеров или же их нестандартное, окказиональное отношение, которое вытекает из обстоятельств общей для говорящего и слушающего коммуникативной ситуации.

Экзосемантика знака:

$x R y =$ 'Говорящий считает, что слушающему известно стандартное, нормальное отношение R между x и y или же окказиональное отношение между ними, наблюдаемое в данной коммуникативной ситуации'

Экзосемантический компонент значения выполняет инферентную функцию – восполняет недостаток семантической информации, закодированной в языковой форме и структуре знака.

Идеальным объектом для демонстрации предложенного здесь принципа описания являются реляционные слова, т.е. индексальные символы, неполные в отрыве от синтагматического контекста, например, прилагательное *пустой*, инвариант которого можно определить следующим образом:

пустой $x =$ 'такой x , внутри или на поверхности которого отсутствуют предметы, которые в соответствии с нормой должны или могут там быть'

Произнося выражение

пустая бутылка

говорящий вовсе не имеет в виду, что бутылка является абсолютно пустой (хотя и такая интерпретация окказионально возможна) – данное выражение понимается как ‘бутылка, в которой нет содержимого, жидкости, например, воды, молока, вина и т.д.’ Ср. рисунок XIX в.:

Подпись под рисунком на баварском диалекте немецкого языка означает:

Da is ja gar a Muken drin, drum war dös Glas so schnell leer, da hat dös Ender mitg'soss'n = ‘Поскольку внутри (в бокале) находится комар, то теперь я знаю, почему бокал так быстро опустел – кто-то пил вместе со мной’

Наличие комара в бокале не мешает говорящему считать его пустым – такая интерпретация полностью согласуется и с семантическим стандартом существительного *бокал* (о понятии семантического стандарта см.: Awdiejew 1999, 43ссл.), и с его содержанием в данной коммуникативной ситуации.

Инферентный компонент исключительно важен при интерпретации оценочных слов, он просто необходим при описании категории оценки (Киклевич 1998, 75ссл.). Одним из первых на это обратил внимание Э.

Сепир, который уже в первой половине XX в. указывал, что «язык подвергается материальному воздействию факторов, связанных с условиями существования его носителей» (1993, 271). В статье «Градуирование» объектом исследования явилась семантика количественной и качественной оценки. Характеризуя специфику оценочно-количественных слов типа *много*, Сепир писал:

Слово *много* не обозначает никакого класса суждений, группирующихся вокруг данной нормы количества, которая приложима к каждому случаю, в том смысле, в каком слова *красный* или *зеленый* применимы в каждой ситуации, где речь идет о цвете; *много*, собственно говоря, является словом-отношением, которое теряет свое значение, когда лишается коннотаций типа «больше, чем» и «меньше, чем». *Много* просто обозначает любое число, определенное или неопределенное, которое «больше, чем» некоторое другое число, принятое за начало отсчета (1985, 44).

Таким образом, Сепира, имя которого обычно произносится в связи с теорией лингвистической относительности (другими словами – этносемантики), с полным правом можно отнести также к числу создателей современной семантики употребления. Когда мы произносим выражения:

высокая гора
 высокая сосна
 высокая яблоня
 высокая студентка
 высокая трава

мы интуитивно различаем их с точки зрения номинальной интенсивности признака ‘высокий’: самая *высокая студентка*, несомненно, ниже, чем *высокая яблоня*, которая никогда не сравняется с *высокой сосной*, а тем более с *высокой горой*, хотя словарь, в принципе, не учитывает этого, ср. дефиницию: *высокий* = ‘имеющий большое протяжение снизу вверх’. А все дело в тех разных общих нормах высоты (или «точках отсчета», по Сепиру), которые устанавливаются в культуре и хранятся в памяти – применительно к объектам категории «сосны», категории «яблони», категории «студентки» («люди») и т.д. Семантический инвариант прилагательного *высокий* следовало бы с учетом данного обстоятельства определить так:

высокий x = ‘такой x , рост которого (т.е. размер в высоту) превышает нормальный, обычно встречаемый размер x -а; предполагается, что слушающему известен стандартный рост x -а’

Подобный принцип действует и при описании других классов оценочных слов, не только физических, но и интеллектуальных. Например, в выражениях

умный инженер
умный ребенок
умный пес

одно и то же прилагательное *умный* выражает три разных оттенка: *умный инженер* обладает такими свойствами, как проницательность, эрудиция, умение применить знания на практике, решить сложные технические проблемы; *умный ребенок* – сообразительный, много (с учетом его возраста) знающий, читающий; *умный пес* – адекватно реагирующий на поведение посторонних, послушно выполняющий команды хозяина. Что касается инварианта этих оттенков, его можно определить так:

умный x =

' x обладает высокими интеллектуальными способностями, которые превышают средний, нормальный, обычно встречаемый уровень интеллектуальных способностей x -ов (т.е. объектов класса, к которому принадлежит x); предполагается, что слушающему известно, в чем выражаются интеллектуальные способности объектов класса, к которому принадлежит x , а также известен стандартный уровень интеллектуальных способностей x -ов'

Амбисемия охватывает также область грамматической семантики. Так, в концепции, которая изложена в работах: Kiklewicz 2004, 115ссл.; 2005, – за инвариант форм совершенного вида (СВ) глаголов (в их прямом употреблении) принято значение результативности действия. Именно результативность выражается в предложениях, которые анализируются Г.М. Зельдовичем как диагностические контексты «инцептивной» теории и теории предельности (2002, 31ссл.). Действительно, можно согласиться с Зельдовичем, что в предложениях

После ухода жены Иван еще поспал

не выражается ни смена состояний, ни предел действия. Но их особенность не в однократности, о которой пишет исследователь, а в результативности, которая здесь заключается в том, что в некотором отрезке времени, находясь в фокусе высказывания (его можно квалифицировать как асертивный), Иван некоторое время спал, что и составляло цель его поведения. Ср. интерпретацию:

После ухода жены Иван еще поспал = 'После ухода жены Иван хотел еще немного поспать; произошло так, как хотел Иван'

Данное предложение предполагает вполне определенную очередность событий: сначала Иван спал, потом в связи с уходом жены, возможно, необходимостью попрощаться с ней, Иван проснулся, после чего Иван хотел продолжить сон и действительно – он уснул и некоторое время после ухода жены спал, и только потом проснулся. По мнению Зельдовича, предложение

Ивану дали снотворное, так что время кинофильма, который показывали с двух до четырех, он проспал

не обязательно означает, что Иван спал с двух до четырех – возможно, он начал спать раньше и проснулся после завершения показа кинофильма. Но значение формы СВ не имеет ничего общего с однократностью – здесь, как и в предыдущем случае, важна результативность: снотворное подействовало, и Иван уснул – он спал все время, когда демонстрировался кинофильм и, не исключено, также после завершения показа. Согласно Зельдовичу, предложение

Ивану посчастливилось жить в Москве

значит: Иван прожил в Москве всю жизнь, от начала и до конца; при этом нельзя сказать, что Иван начал жить в Москве и кончил жить в Москве. Именно поэтому Зельдович отказывается интерпретировать данное предложение с позиций теории «инцептивности». Но более естественной выглядит результативная интерпретация: 'Ивану удалось по крайней мере некоторое время, а может быть, и всю жизнь, жить в Москве; Иван раньше хотел этого (мечтал об этом); хотеть жить в Москве является чем-то нормальным, естественным'. Зельдович критикует точку зрения, согласно которой предложение

Плащ уберег Ивана от дождя

понимается как 'в какой-то момент времени (совпадающий с моментом, когда начался дождь или Иван вышел на улицу) плащ начал защищать Ивана от дождя' (2002, 32). Но такое толкование кажется довольно умозрительным. Зато не вызывает сомнений выражаемая здесь результативность: чтобы не промокнуть под дождем, Иван надел плащ, и действительно – когда Иван находился под дождем, он убедился, что достиг своей цели – благодаря использованию плаща Иван все время, пока он находился под дождем, оставался сухим.

Е. В. Падучева, в принципе, также имеет в виду результативность как инвариант форм СВ – она определяет его формулой: ‘раньше не Р, сейчас Р’ (2004, 514). Падучева пишет, что стательный признак (‘начало состояния’) «входит в лексическое значение всех, за небольшим исключением, глаголов СВ». Но, во-первых, неясно, как велико это «небольшое» исключение, а во-вторых, можно сомневаться, реализуется ли данный инвариант в значении темпорально-количественных (делIMITативных) глаголов типа *поспать*, моментальных глаголов типа *вскрикнуть* или континуативных глаголов типа *устоять*. Этот список можно продолжить.

Напротив, в нашей концепции принимается, что закодированным в содержании СВ результатом может быть любой тип положений дел – не только состояния, о которых уже была речь, но и действия, процессы, свойства, ср.:

1. действие как результат: *Войска двинулись в поход* = ‘Войска хотели двинуться в поход; произошло так, как хотели войска’
2. процесс как результат: *Иван зажег свечу* = ‘Иван хотел, чтобы свеча горела; произошло так, как хотел Иван’
3. свойство как результат: *Листья пожелтели* = ‘Кто-то хотел (природа хотела), чтобы листья стали желтыми; произошло так, как кто-то хотел (как хотела природа)’

Инвариант СВ реализуется с учетом лексической семантики слова, в том числе и деривационной. В зависимости от способа глагольного действия – дуративного, терминативного, инхоативного, моментального, процессивного и т.д., значение результативности модифицируется, а именно – выступает в двух категориях: финитивной и каузативной. В первом случае глагол обозначает намеренный результат действий субъекта, который ставит перед собой определенную цель – в семантической интерпретации мы будем пользоваться записью: ‘*x* хочет/хотел *S*’. Во втором случае глагол обозначает следствие действий, процессов и состояний вне и независимо от субъекта, его целевых установок – это явление мы отмечаем с помощью метаязыковой экспликации ‘*кто-то* хочет/хотел *S*’. Существуют выражения, которые позволяют интерпретацию как первого, так и второго типа, ср.:

а) финитивная результативность

- x* написал *y* = ‘*x* хотел написать *y* – произошло так, как хотел *x*’
x постоял = ‘*x* хотел стоять – произошло так, как хотел *x*’
x пришел = ‘*x* хотел прийти – произошло так, как хотел *x*’
x поспал = ‘*x* хотел спать – произошло так, как хотел *x*’
x объездил *y* = ‘*x* хотел побывать в разных частях *y* – произошло так, как хотел *x*’

б) каузативная результативность

х икнул = 'кто-то хотел, чтобы *х* икнул – произошло так, как хотел кто-то'

х замерз = 'кто-то хотел, чтобы *х* почувствовал сильный холод – произошло так, как хотел кто-то'

в) финитивная или каузативная результативность

х подпрыгнул = 'х хотел подпрыгнуть, кто-то хотел, чтобы *х*

подпрыгнул – произошло так, как хотел *х* или как хотел кто-то'

х запел = 'х хотел петь, кто-то хотел, чтобы *х* пел – произошло так, как хотел *х* или как хотел кто-то'

х уснул = 'х хотел уснуть, кто-то хотел, чтобы *х* уснул – произошло так, как хотел *х* или как хотел кто-то'

х замолчал = 'х хотел молчать (перестать говорить), кто-то хотел, чтобы *х* молчал (перестал говорить) – произошло так, как хотел *х* или как хотел кто-то'

х смолчал = 'х хотел молчать (не начинать говорить), кто-то хотел, чтобы *х* молчал (не начал говорить) – произошло так, как хотел *х* или как хотел кто-то'

Эти наблюдения дают основание для амбисемантического представления инварианта СВ, в котором различаются (а) эндо- и (б) экзосемантический компоненты:

СОВЕРШЕННЫЙ ВИД

а) глаголы совершенного вида обозначают действия, процессы, состояния и свойства, которые в некотором, актуальном, описываемом в высказывании отрезке времени являются результатом целевой деятельности субъектов или же следствием внешних или внутренних причин

б) результатом/следствием считается такое положение дел, которое в соответствии с известной говорящему и/или слушающему нормой вытекает из содержания описываемого действия, процесса, состояния или свойства

Так, глагол *молчать* является нединамическим – континуативным, поэтому сам по себе он не имеет инцептивной перспективы. Зато данный глагол может обозначать состояние, которое является результатом некоторых действий или усилий субъекта. При этом возможны две ситуации: первая, когда молчание наступает после речи – *замолчать*; вторая, когда молчание продолжается, но в виде альтернативы речи – *смолчать*, *умолчать*.

Напротив, в содержании моментальных глаголов, таких, как *споткнуться*, *посмотреть*, *подпрыгнуть*, *икнуть*, *подумать*, *моргнуть* и др., результативность является конститутивным семантическим признаком, поэтому отрицание таких глаголов равнозначно отрицанию самого действия, а не только его результативности, ср.:

Мимо прошла Аня, но Иван даже не посмотрел на нее = 'Иван не стал/не хотел смотреть на Аню, которая прошла мимо'

В силу того, что результивная семантика закодирована в лексическом значении моментальных глаголов, различие между СВ и НСВ при этом становится несущественным:

И вдруг Иван споткнулся

И вдруг Иван спотыкается

Процессуальные, в частности, инхоативные (в другой терминологии – инцептивные, ингрессивные) глаголы обозначают действия (с объектами или без), которые могут заканчиваться результатом – изменением субъекта или объекта действия. В этом случае результивность составляет перспективу действия, но в зависимости от лексического содержания глагола в предложении реализуется семантика результата ('*x* хочет *S*') или семантика следствия ('*кто-то* хочет *S*'), ср.:

Иван написал новый роман = 'Иван хотел написать новый роман – произошло так, как хотел Иван'

Иван влюбился в Аню = 'кто-то хотел, чтобы Иван влюбился в Аню – произошло так, как хотел кто-то'

Заключение

1. Сигнификативное значение композициональных знаков (производных слов, словосочетаний, предложений) всегда является частично недетерминированным, «непрозрачным», ср. «неопределеннозначность» в терминологии В. В. Мартынова или «minimal-specification view» в терминологии Р. Дирвена. Причиной является то, что содержание знаков, даже самых тривиальных, зависит от фоновых (общих или окказиональных) знаний речевых субъектов – это касается как речевой деятельности говорящего, так и деятельности слушающего. Положение, согласно которому смысл знака обусловлен определенной конфигурацией кода и среды, лежит в основе социо- и антропоцентрического (в другой терминологии – экологического) направления в языкознании.

2. Как правило, практика применения инвариантов в лингвистических исследованиях не удовлетворяет исследователей по двум причинам: во-первых, семантический инвариант представляет собой чрезмерно абстрактную семантическую структуру, не имеющую ничего общего с языковой интуицией носителей языка; во-вторых, громоздкие формулы, в виде

которые записываются инварианты, мало пригодны в лингвистических описаниях, например, при сопоставлении или классификации инвариантов. Это, однако, не значит, что с волей мы должны вышеснуть и рёска. Не приемлем инвариант, который плохо определен, т.е. без учета взаимодействия знака с синтагматическим контекстом, а также с системой фоновых знаний носителей языка. В данной работе предложена лингвистическая концепция, согласно которой содержание языкового знака амбивалентно: с одной стороны, оно включает элементы дескриптивной семантики, или эндосемантики, которая имеет системно-языковой характер и, преимущественно, основана на дифференциальных семантических признаках; с другой стороны, в содержании знака имеются элементы когнитивно-культурной семантики, или экзосемантики, которая основана на интеральных семантических признаках, вытекающих из функционирования референта знака в тех или иных культурных и ситуативных контекстах. Экзосемантический компонент значения выолняет дифференциальную функцию – восполняет недостаток семантической информации, закодированной в языковой форме и структуре знака.

3. Поскольку инвариант представляет собой обобщение отдельных кон-текстуальных оттенков значения и, значит, в его содержании отражается отношение по крайней мере двух семантических категорий, экзосемантический компонент содержания знака имеет реляционный характер. В практике описания значений это находит проявление в том, что в семантической экспликация указывается известная участвующая речевой интер-акции (в неопределенных случаях – одному из них) норма некоторого, упоминаемого признака для некоторого, упоминаемого класса объектов или же для индивидуального объекта.

Литература

- Апресян, Ю. Д. 1986. „Интегративное описание языка и толковый словарь“, *Вопросы языкознания*, 2, 57-70.
- Волошинов, В. Н. 1929. *Марксизм и философия языка*, Л.
- Есперсен, О. 1958. *Философия грамматики*, М.
- Жилин, С. А. 1983. „Смысл текста с точки зрения информационного поиска“, *Текст как инструмент общения*. М., 14-25.
- Звегинцев, В. А. 1976. *Предложение и его отношение к языку и речи*, М.
- Зельдович, Г. М. 2002. „Семантика и прагматика совершенного вида в русском языке“, *Вопросы языкознания*, 3, 30-61.
- Кибрик, А. Е. 1997. „Иерархии, роли, нули, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики“, *Вопросы языкознания*, 4, 27-57.
- Киклевич, А. К. 1998. „Польско-немецкие исследования семантической категории оценки“, Kiklewicz, A. (ред.), *Паланістыка – Полоністыка – Polonistyka 1998*. Мінск, 75-109.
- Лактеняки, М. 1999. „Перевод и интерпретация: о некоторых предпосылках и мифологемах“, *Теоретическая и прикладная лингвистика. 1. Проблемы философии языка и сопоставительной лингвистики*, Воронеж, 32-45.
- Литвин, Ф. А. 2005. *Многозначность слова в языке и речи*, М.
- Мечковская, Н. Б. 2001. „«И пространство торчит преискурантом». Число и слово в поэтике Иосифа Бродского“, В. Kiklewicz, A. (ред.), *Quantität und Graduierung in der natürlichen Sprache*. München, 97-122.
- Новиков, А. Л. (2002), *О контекстуальном смысле слова*. В: *Филологические науки*, 5, 82-88.
- Павилёнис, Р. И. (1986), „Понимание речи и философия языка“, Городецкий, Б. Ю. (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике*, Вып. XVII. Теория речевых актов, Москва, 380-394.
- Падучева, Е. В. (2004), *Динамические модели в семантике лексики*, Москва.
- Радченко, О. (2004), „Антагонизм универсалистского и идиоэтнического в современной философии языка в России и Германии“, Kiklewicz, A. (ред.), *Paradymaty filozofii języka, literatury i teorii tekstu. Pogranicza metodologiczne*. Słupsk, 93-104.
- Ромметвейт, Р. (1972), „Слова, значения и сообщения“, *Психолингвистика за рубежом*, Москва, 53-87.
- Сепир, Э. (1993), *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Москва.
- Сидоров, Е. В. (1983), „Текст и речь как единство противоположностей“, *Текст. Высказывание. Слово*, Москва, 6-17.
- Татаринов, В. А. (1988), *Лексико-семантическое варьирование терминологических единиц и проблемы терминографии*. Москва.
- (1996), *Теория терминоведения. Т. 1. Теория термина: история и современное состояние*, Москва.
- (2006), *Общее терминоведение. Энциклопедический словарь*, Москва.

- Awdiejew, A. (red.) (1999), „Standardy semantyczne w gramatyce komunikacyjnej (teoria i zastosowanie)“, Gramatyka komunikacyjna, Warszawa – Kraków, 33–68.
- Dirven, R. (2001), *The Metaphoric in Recent Cognitive Approaches to English Phrasal Verbs*, www.metaphorik.de. I.
- Kiklewicz, A. (2004), *Podstawy składni funkcjonalnej*, Olsztyn.
- Kiklewicz, A. (2005), „Finitywny (teleologiczny) model aspektualności: założenia teoretyczne“, *Prace Filologiczne*, L, 59–82.
- Kiklewicz, A. (2006), „Modny wyraz – przymiotnik ‚wirtualny‘ (w zestawieniu z przymiotnikiem niemieckim ‚virtuell‘ oraz rosyjskim ‚virtual’nyj)“, *Poradnik Językowy*, 1, 14–28.